

Ж. Т. Тошенко¹

КЕНТАВР-КУЛЬТУРА: СОВРЕМЕННЫЕ ЛИКИ

Есть кочка зрения и точка зрения. Это надобно различать.
М. Горький

Современная духовная жизнь и ее ядро, смыслообразующее содержание которой определяет культуру,

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой теории и истории социологии, доктор философских наук, профессор. Главный редактор журнала «Социологические исследования». Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. 18 монографий: «Социальная инфраструктура: сущность и пути развития», «Социальное планирование в СССР», «Социальное проектирование», «Парадоксальный человек», «Три особенных лика власти», «Этнократия: история и современность (социологические очерки)», «Социология труда: опыт нового прочтения», «Теократия: фантом или реальность?»; а также учебников: «Социология», «Социология труда», «Политическая социология», тематического словаря-справочника «Тезаурус социологии». Под его редакцией вышли 12 выпусков, посвященных исследованию проблем интеллигенции в современной России, среди которых: «Интеллигенция и власть», «Интеллигенция в мире современных коммуникаций», «Интеллигенция в этноконфессиональном мире» и др. Руководитель Научного совета РАН «Новые явления в общественном сознании и социальной практике». Член редколлегии журнала РАН «Общественные науки». Член Научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ. Действительный член Академии социальных наук Республики Беларусь и Республики Казахстан. Почетный профессор Института социологии РАН, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Российского государственного гуманитарного университета. Лауреат премии РАН им. М. М. Ковалевского, медали П. А. Сорокина.

тура, переживают сложные и неоднозначные процессы. В анализе происходящих в ней изменений обычно преобладает: а) стремление выделить позитивные или негативные явления и процессы; б) анализ проблемных ситуаций; в) сопоставление исторического опыта развития и функционирования культуры. Не отрицая важность таких походов, на наш взгляд, незаметными и непроанализированными остаются своеобразные новообразования в культуре, которые, как это ни парадоксально, сочетают на первый взгляд несовместимые черты, но которые продолжают существовать и развиваться.

Эта ситуация отражает широко распространенное явление, которое затрагивает практически каждое научное направление и соответственно присущую им деятельность. В XX веке были выявлены удивительные, парадоксальные процессы, которые были обнаружены как естественными, так и социальными, гуманитарными науками. Они (эти явления и процессы) назывались различными терминами (понятиями), и поэтому долгое время казалось, что речь идет о разной их природе, об их несопоставимости и специфичности. Однако со временем

стало выясняться, что, несмотря на кажущуюся несравнимость, они удивительным образом обнаруживали некое единство, что позволяло говорить об уникальном феномене, имеющем одну общую, хотя и парадоксальную природу и основу. Представители разных наук называли их различными именами: физики — волной—частицей и пространством—временем; биологи — фенотипом—генотипом; психологи — сознательным—бессознательным; лингвисты — синхронией—диахронией; математики — бинарной системой исчисления; писатели — потоком сознания, новым романом; художники — коллажами, инсталляциями, ассамбляжами; музыканты — классической—легкой музыкой; искусствоведы — ренессансом—барокко и иконологией—иконографией; историки — подвижной—неподвижной историей; философы — феноменологией—структурализмом; юристы — авторским правом — свободой слова¹. В попытке осмыслить эти разнообразие определения открытых или открываемых явлений наука вернулась к одному забытому термину, который ранее употреблялся в основном в мифологии и литературе, ее описывающей и осмыслявшей. Речь идет о таком уникальном термине, как *кентавр-проблема*, который позволяет объединить (охватить) в единое понятие разнообразный класс процессов и явлений, встречающийся как в познавательной, так и в преобразующей деятельности человека.

На феномен кентавризма долгое время не обращали внимания, или эта проблема затрагивалась вскользь, попутно, в основном при анализе проблем мифологии. На наш взгляд, она стала актуальной не только для названных наук и научной деятельности, но и для культуры, духовной жизни общества в целом.

Причины и угрозы кентавризма в культуре

Чтобы выявить общее и специфическое в новообразованиях, тенденциях и фантомных явлениях в духовной жизни, прежде всего ответим на вопрос, почему стало возможным *появление кентавров в сфере культуры?*

На наш взгляд, основой для кентавризма как во всем российском обществе, так и в сфере культуры стали неопределенность, расплывчатость вектора общественного развития, нечеткость и неясность представления о том, какое государство строится, что ожидает россиян в ближайшем будущем, к чему они должны стремиться. Эта ситуация усугубляется дискредитацией всего предшествующего советского опыта, в том числе и исторического. Одновременно выявилось, что предлагаемые и с таким энтузиазмом декларируемые средства развития, такие как рынок, демократия, глобализация и другие, не дали адекватный общественным потребностям ответ. Эта неопределенность дополняется отсутствием или отрицанием идеалов, ориентиров общественного и личного развития. К этому добавилась полная дезорганизация общественного сознания, которая возникла

¹ Чучин-Русов А. Е. Возвращение кентавров // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 164.

в ходе реализации самого худшего варианта преобразования общественных отношений в результате перехода от советской к постсоветской России. «Одно из главных “завоеваний” российского либерализма — людей отучили всерьез доверяться хоть какой-нибудь идее, какому-нибудь слову, какому-нибудь лидеру»². К причинам расцвета, или нашего кентавризма в сфере культуры можно отнести: отказ от конструктивной деятельности, лжеинноваторство, амбициозные претензии на конечную истину. Нередко эти объективные причины дополняются субъективными факторами — жадностью славы, стремлением проявить себя вплоть до геростратовских акций.

Данный анализ начнем с напоминания общепризнанного утверждения: культура есть деятельность по созданию, трансляции и потреблению материальных и духовных ценностей, код по воспроизводству духовности народа. В рамках этого подхода определяются ее формы и методы: анализируется высокая и народная культура, общая, локальная и региональная, мировая и национальная, публичная и личная. Культура может рассматриваться в связи с ее различными функциями: экономической, политической, правовой, эстетической и т. д.³ Есть реальные попытки идентифицировать понятия «общество» и «культура», как это делается в творчестве известного американского социолога Дж. Александра⁴ и частично у российского исследователя Л. Ионина⁵, хотя ими это не всегда прямо декларируется, но объявляется, что все, что существует в обществе, — это культура и ее продукты. Правда, возникает вопрос, а зачем нужны эти два понятия — «общество» и «культура», если они сущностно совпадают?

В конце XX — начале XXI века значительное внимание стало уделяться анализу новых тенденций в развитии духовной жизни. Однако если в целом проанализировать попытки рассмотрения совокупности процессов развития культуры, то можно сделать вывод, что основной тенденцией различных подходов является стремление говорить о позитивных изменениях и мало уделять внимания тому, что является угрозой духовности народа, его нравственному облику.

Какие опасные явления в развитии культуры угрожают духовно-нравственному здоровью общества?

² Прилепин З. Бабушки называют моим именем внуков // Известия. 2010. 19 марта.

³ См.: Иконникова С. Н. История культурологических теорий: идеи и судьбы. СПб., 2001; Козан Л. Н. Социология культуры. Екатеринбург, 1992; Динамика ценностей населения реформируемой России / отв. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М., 1996; Мангейм К. Избранное. Социология культуры. М., 2000; Межуев В. М. Культура и история. М., 1977; Шендрик А. И. Социология культуры. М., 2008; и др.

⁴ Александер Дж. К. Обещание культурной социологии: технологический дискурс и сакральная и профанная информационные машины // Контексты современности—II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории: хрестоматия / сост. и общ. ред. С. А. Ерофеева. Казань, 2001; Он же. Смыслы социальной жизни. Культурная социология. СПб., 2003.

⁵ Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000.

Во-первых, осуществляются и не прекращаются попытки превратить явления культуры (и искусства в том числе) и большинство ее результатов в товар. Именно с этих позиций рассматриваются продукты культуры все возрастающим количеством менеджеров, управленцев, чиновников. В результате сократилось число музеев, закрыты библиотеки, особенно сельские, резко уменьшилось количество кинотеатров. Соответственно прекратили свою деятельность многие творческие народные коллективы (художественная самодеятельность), дворцы пионеров, детские спортивные клубы как не приносящие никакой прибыли, а наоборот, требующие субсидий, материальной и финансовой поддержки¹.

Во-вторых, культурная деятельность по производству, трансляции и потреблению приобретает черты агрессивности, наступательности, вплоть до акций, не пренебрегающих никакими средствами по навязыванию низкопробных взглядов, вкусов, предпочтений. Наступление различных видов гламура, кич-культуры и трэш-культуры стало настолько обычным явлением для распространения пошлости и снобизма, что вытеснят все разумное, светлое, все, что заставляет человека задуматься над своей жизнью, жизнью окружающих его людей и общества. Понимание культуры пытаются свести к представлению о своей исключительности, которая достигается не столько талантом и пониманием народа, сколько местом в рейтинге себе подобных. Засилье околхудожественных произведений серьезно сказывается на кругозоре молодого поколения, на воспитании в нем психологии потребительства и безразличия.

В-третьих, под влиянием деформированных видов общественного сознания и социальной практики культура стала приобретать характер всеядности, вседозволенности, когда нет никаких ограничений, никаких запретных или сомнительных тем и вопросов. В результате мы имеем «культурализацию» шизофренических и просто психопатических поступков, вплоть до возвеличивания или просто демонстрации противоестественного поведения людей (А. С. Запесоцкий)².

В-четвертых, идет сознательная ориентация на то, чтобы предлагаемые продукты этих культур не только оправдывали, но и пропагандировали примитивные вкусы и предпочтения, торпедировав все усилия по возвышению нравственных ориентиров до самых высоких стандартов духовно-нравственного поведения. «Как может оценивать современную литературу человек (Виктор Ерофеев и его передача «Апокриф». — Ж. Т.), — возмущался Савва Ямщиков, — который проповедует матерщину и порнографию?»³

В-пятых, идет препарирование произведений литературы, искусства до неузнаваемости, до такого их

обличья, когда от первоначальной сути не остается ничего, кроме внешней оболочки, которая нередко тоже разрывается согласно «новому прочтению» или «новой интерпретации».

И наконец, ориентация творцов этих форм культуры направлена не на то, чтобы добиться понимания, усвоения общепринятых ценностей, не на достижение истины, а на принятие пропагандируемых образцов, которые имеют целью скорее дезориентацию, чем просвещение и усвоение информации, ценностей. И тогда карнавал превращается в матерщину.

Поэтому, на наш взгляд, *в условиях неопределенности и неоднозначности развития культуры в российском обществе расцвели различные кентавристические образования, которые условно можно назвать эрзац-, псевдо-, квази-, контр- и паракультурой*, которые не просто заняли определенную нишу, а претендуют на то, чтобы стать если не главными, ведущими, то олицетворяющими дальнейшие шаги в развитии культуры. Это даже не массовая или поп-культура — это гораздо опаснее и тревожнее, чем кажется на первый взгляд. По нашему мнению, *создается уникальный феномен, который можно назвать кентавр-культурой*. Его суть проявляется в том, что при помощи этих явлений в развитии культуры (и искусства) создаются процессы, которые олицетворяют несовместимые сущности, но которые преодолеваются ее творцами и, более того, успешно конкурируют с настоящей, в том числе и народной, культурой.

Эти кентавристические моменты проявляются, во-первых, в образе *эрзац-культуры*. Суть этого явления — создание *суррогатов*, неполноценных заменителей, которые примитивизируют жизнь, сводят ее к эксцессам и в конечном счете создают мир человека в виде некоего правдоподобия при полном отсутствии даже не идеалов, а элементарного уважения к людям, к их духовности. Многие пропагандируемые литературные произведения, удостоенные всяческих премий, представляют собой продукт «дегенеративных идей», «стеба, ужимок и прыжков, веселого швыряния друг в друга телами покойников», «ритуальные оргии в морге с поеданием трупов», с бесконечным использованием мата и распитием «матеры из ночного горшка»⁴.

Эрзац-культура нередко представляет собой эклектичное соединение реально существующих проблем, которые, будучи искусственно соединены, образуют механистические образования, состоящие из несовместимых компонентов ни по творческому содержанию, ни по художественному стилю. Ее функционирование сопровождается отрицанием нравственных ориентиров, что позволяет воспевать и считать естественным описание испражнений человеческого тела, считать нормой полное обнажение человеческого тела на театральной сцене. Попытка выдать это за то, что жизнь человека должна быть отображена во всей ее полноте, в том числе в ее

¹ Запесоцкий А. С. Метаморфозы СМИ: новое качество или новые болезни // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 7–17.

² Философия российской телесности: сб. СПб., 2009.

³ Ямщиков С. От «совести» к «дерьму» // Аргументы и факты. 2006. № 3.

⁴ Чудинова Е. П. Мама с папой едят матом // Наше время. 2006. № 18. 8–14 нояб.

неприглядности, реальной безобразности, и создают такие «образцы» культуры, которые противостоят источнику всякой культуры — народной — и ее традициям. Сюда же можно отнести тех, кто считает нормой использование матерщины в повседневной жизни (причем эти деятели нередко выдают себя за глубоких интеллектуалов). «Сейчас, — говорит А. Калягин, председатель Союза театральных деятелей, — даже на самых прославленных и известных сценах страны возможно все, от голой задницы до грубой матерщины»¹. В результате создаются такие образцы культуры, которые являются антиэстетической продукцией, перестают быть нравственными ориентирами.

Во-вторых, все больше в жизни общества занимает *псевдокультура*, которая ориентируется на масштабную фальсификацию реальности и ее культурной составляющей, на полностью вымышленный и часто извращенный мир человека, социальных групп, общества. Диапазон этой кентавр-культуры очень широк — от цинизма до создания примитивных фантазмагорических произведений, от идеализации прошлого до оправдания пороков и отвержения собственной культуры. В лучшем случае продукцию этой культуры можно отнести к *примитивной или извращенной фантазии*. Эта культура базируется на искажении, вольной и предвзятой трактовке проявлений человеческого разума и реальной человеческой деятельности. К ним относятся творения новых открывателей истории России и всеобщей истории (Фоменко и его последователи), которые на основе использования внешних признаков (в данном случае использования реальных событий астрономического характера — затмений Солнца и Луны) опровергают все накопленные многими поколениями историков знания о реальной истории человечества.

Особенно много этих проявлений в сфере науки. Поэтому Российская академия наук сочла необходимым создать специальную Комиссию по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, ибо под прикрытием науки пропагандируются различные измышления, настойчиво навязываются псевдопроблемы, не имеющие никакого отношения к ней. Помимо непрекращающихся попыток решить актуальные проблемы путем внедрения различных перпетуум-мобиле, к таким псевдооткрытиям можно отнести фантазии некоего Петрика, психолога по образованию, который в купе со спикером Государственной Думы Грызловым предложил прибор по очистке воды от радиоактивного заражения. Кстати, его внедрение потребовало бы от государства затрат на 15 трлн руб. А пока результатом стало мнение Грызлова, что в Академии наук «сидят мракобесы», потому что они отвергли это «открытие» как несостоятельное, элементарно безграмотное.

Олицетворением псевдокультуры являются такие феномены, как попса и гламур. Что касается попсы, то, во-первых, ее исходной характерной чертой вы-

ступает отсутствие вкуса. Во-вторых, она окрашена серостью в осмыслении того, что волнует людей, общество, мир. К этому примыкает и леность мысли, ибо попса ограничивает себя примитивными сравнениями, образами, поражает скудностью осмысления происходящих вокруг изменений. Попса нигде не зовет — она играет на низменных чувствах людей, ибо переизбыток патоки или «кошмаризация» происходящего — ее любимые приемы. Даже человеческая боль выглядит в мире попсы как нечто надуманное, случайное, преходящее, на что не следует обращать внимания. Попса ориентирована на то, чтобы «потрафлять» запросам достаточно ограниченного круга лиц, оставаясь равнодушной к истинным переживаниям и страданиям. Ей присущи фарс, пренебрежение, отсутствие элементарного вкуса. А самое главное в ней — отсутствие чувства меры, которое постоянно путает возвышенное с низменным.

Что касается гламура, то он выступает в виде декларируемой социальной демаркации — принадлежности к определенному социальному слою. Ничего творческого, содержательного в этой форме псевдокультуры не содержится. В ней главное — внешнее соотнесение себя и своего окружения с пользователями недоступных большинству возможностей, в основном связанных со значительными материальными затратами на поддержание своего статуса. Последний выражается в большинстве случаев в специфической одежде, оснащении своего жилья, экипировке средств передвижения, пользовании вычурными услугами и демонстрации участия в тусовках различного калибра.

Как попса, так и гламур грешат вычурностью, доходящей до занудства, искусственностью создаваемой ими среды, отсутствием элементарных и возвышающих человека переживаний, стремлением реализовать завещанную Кузьмой Прутковым идею «Казаться больше, чем есть» или «Быть больше, чем ты кажешься». Они не предполагают постижения таких высот, как выражение трогательной высоты чувств, осознание жертвенности, понимание ответственности за судьбы окружающих людей (кроме самих себя и возможно отдельных близких, по тем или иным причинам приближенных). Их нередко сопровождает снобизм, стремление возвыситься над окружающим миром, патологическое желание быть избранным в этом мире. Ориентация на то, чтобы пошкотать нервы, славословить, выслушивать возвеличивающие речи и даже принимать прислужничество, — эти личностные пороки доходят до таких высот, что полностью отрывают их носителей от грешной повседневной действительности. Они хотели бы видеть себя «на возвышении», которое знаменовало бы их преимущество перед толпой, «быдлом», ради чего они готовы жертвовать всем, лишь бы не лишиться достигнутого статуса и такого же сомнительного социального положения.

Псевдокультуре присуща безответственность, ибо за последствия пропагандируемых ее образцов так называемого культурного поведения она не несет

¹ Калягин А. Театр, выставленный на продажу // Независимая газета. 2006. 3 марта.

и не собирается нести ответственности, так же как и отвечать за деформацию нравственно-духовного развития общества.

В-третьих, еще одним обликом кентавр-культуры выступает *квазикультура*, олицетворяющая ложные, мнимые феномены в основном в стиле подражательства, что могло быть только более или менее правдоподобным слепком с уже ранее существующего и даже значительного. В рамках этого кентавристического порождения возвеличиваются и приподнимаются мнимость, значимость, надувание мыльных пузырей и постоянная претензия на новаторство. По мнению С. Юрского, в современном театре, российском и мировом, происходит процесс гниения, когда нет идей, а если они и есть, то это «внешние идеи», которые можно соотнести с обертками конфет, в которые можно завернуть и «простенькую карамель», и прекрасные классические вещи. В квазикультуре сосредотачиваются такие ее характеристики, как похожесть, подобность, претензия на то, чтобы быть рядом, возле, но вне предшествующей культуры. В не меньшей мере ей присущи амбиции, претензии, попытки сформировать свою особую миссию в современном культурном мире. В то же время псевдокультура не чурается возвеличивания аморальности, выдавая ее за естественные причины движения человеческой души.

Квазикультура усиленно создается и в литературе. По утверждению многих людей, причастных к литературному творчеству (и не только их), в постсоветской России практически исчезли произведения, которые описывают жизнь простых людей: учителей, инженеров, рабочих, крестьян. Их место заняли рассуждения, рассказы и обсуждение жизни преуспевающих людей, их окружения, описание ту-совок, а также «страдания» владельцев замков, персональных самолетов, иномарок вкупе с приключениями артистической богемы и спортивных звезд вперемешку с разного рода «стрелялками». Налицо, как пишет писатель А. Макаров, политический гламур в журналистском и литературном оформлении, по сути, являющийся буржуазной журналистикой и буржуазной литературой, которые «по странной игре природы именуется демократическими, хотя проповедуют и воспевают вовсе не простоту, не естественность, не общедоступность, не скромность притязаний и не отсутствие привилегий»¹. Чем не новоявленный кентавр, пытающийся совместить служение истеблишменту и желание быть олицетворением преданности демократии?

В-четвертых, одним из проявлений кентавризма выступает *паракультура*, которая постоянно делает попытку создать исключительно новую реальность, не относящуюся к накопленным и апробированным человечеством духовным ценностям. Ее основу создают астрология, мистика, паранормальные явления вроде колдовства и знахарства. Особенно пагубную роль она выполняет, когда претендует на методы вроде сеансов массового гипноза таких це-

лителей, как Кашпировский, Чумак или прошумевшая в 1990-е годы прорицательница Джуна. Немалую долю вносит абсолютизация мистики, которая базируется на национальных и религиозных началах. Ей присуща также пропаганда пороков и извращений.

И наконец, необходимо сказать о *контркультуре*, в которой реализуется полное отрицание или полное противопоставление культуре, существующей в реальности и разделяемой большинством населения. Ее назначение — противопоставить себя существующей культуре, отрицать ее, что находит свое выражение в сектантских, изуверских учениях, в том числе и религиозного характера. Одиозность, антигуманистическая направленность, нигилизм контркультуры паразитируют на отрицании всей предшествующей культуры, претендуя на создание нового искусственного образа культуры. Контркультура культивирует конфронтацию вплоть до насилия над всеми инакомыслящими. Это проявляется в определенном сектантстве. Ей присуща двойная мораль в духе идеологии одного из губернаторов «Истории одного города» М. Салтыкова-Щедрина, девизом которого было: «Надо внедрять в народ науку и просвещение, желательно без кровопролития». Именно в этой культуре, как нигде, проявляется ее кентавристическая сущность — провозглашать одни ценности и ориентиры, но следовать другим.

Таким образом, все эти формы кентавр-культуры направлены на создание духовно-нравственных монстров, которые объединяют принципиально несовместимые элементы. Но их опасность велика, и даже не столько потому, что они коммерциализируют культуру, сколько потому, что они подготавливают цивилизационный крах страны, разрушают нравственные ценности народа, направлены на снижение и обнищание его духовности.

Методы действия превращенных культур

Создание в российском обществе в огромных масштабах кентавр-культуры в лице эрзац-, квази-, псевдо-, пара- и контркультуры сопровождается применением методов, которые отражают намерения и помыслы далеких от художественного творчества людей. Эти методы включают попытки организовать как можно большие *аудитории потребления*, завоевать массовость, привлечь как можно большее количество «хавающих» персонажей. При этом используются такие приемы, которые играют на инстинктах, опираются на сумеречное сознание, на побуждение в человеке того, что ограничено нравственными табу. Так, секс из таинства, интимности превратился в открытые формы его пропаганды со всеми возможными атрибутами, вплоть до извращенных. Именно под этим флагом осуществляется *романтика аморализма*. А как иначе оценить бесконечную демонстрацию различных нравственных табу, вмешательство в такие сферы жизни человека, которые претят не только национальным, но и общепринятым в мире обычаям и традициям. Немалое недоумение вызвало присуждение премии ТЭФИ (премии Российской академии телевидения) Ан-

¹ Макаров А. Дресс-код у журнального подъезда // Литературная газета. 2010. 17 мая.

дрю Малахову за передачу «Пусть говорят», которая попирает элементарные представления о морали. Поэтому неудивительно, что общественное мнение, вопреки решению академиков этой академии, воспринимает это как признание пошлости¹. Одновременно с процессами, направленными на нравственное оскудение общества, происходит, по выражению Красникова, дебилизация населения².

Не менее значительным методом стало превращение массовых проявлений культуры в одно *бесконечно шоу*. Шоу имеет право на существование как один из методов доведения культуры до общественного сознания, но превращение всех видов культуры только в один единственный прием — в шоу — не просто ограничивает и коммерциализирует культуру, а деформирует и извращает ее. Именно этой цели отвечает поощряемая и поддерживаемая официально заказная литература и соответствующие ей явления на подмостках сцены, в кинематографе, на эстраде³.

Распространенным методом стала игра, ориентированная не на привлечение людей в производство культурных ценностей, а на превращение их просто в соперничающих лиц, которые неведомыми путями превращаются в *соучастников этих шоу*. Такие приемы, как «разогреть публику», возможны, но имеют свои ограничения и табу. Результатом этого является отстранение людей от социальной направленности культуры, игнорирование того, что на самом деле заботит и волнует общество, людей. В стороне остаются горе и нужды, социальные катаклизмы и национальная трагедия, которая коснулась каждого человек в нашей стране в 1990-е годы. Даже такой метод, как оперативность, превращается в один из приемов зарабатывания денег, что толкает «мастеров культуры» на *лжеподражание, лже-символику*, вплоть до производства «чернухи», бездумного заимствования того, что есть у «них».

Согласно постмодернистским настроениям широко применяется такой прием, как *развлекаловка*, попытка охватить все без разбору — от умения печь блины и рассказов о капризах домашних животных до попыток снабдить свои размышления скабрёзными измышлениями по поводу личной жизни избранных персонажей или скандальных эпизодов, как, например, произведения скандально известного Сорокина и эпатажного Ерофеева, которые, говоря словами Салтыкова-Щедрина, «народ загадочный, от природы покрытый скользким веществом»⁴.

Нередко используется метод, который, по меткому выражению писателя Ю. Полякова, можно назвать *варваризацией*, когда под флагом борьбы с «проклятым советским прошлым», «имперским патриотизмом», отказа от национальной культуры происходит «превращение Парнаса в Лысую гору», рас-

пространение оскверняющих баск о Великой Отечественной войне или глумливое вранье про союзную Белоруссию. Диапазон искажения и просто клеветы охватил практически все (без исключения) стороны российской истории и нынешней действительности, касается ли это событий, связанных с Гражданской войной и первыми пятилетками, или таких событий, как депортация народов, комсомольские стройки и даже освоение космоса. Это сопровождается девальвацией жанра — поют все: и Шифрин, и Жириновский, и Лолита, сочиняют рассказы и повести все кому не лень, тем более что это чтиво можно разместить в Интернете⁵.

Получили распространение методы, которые ориентированы на *борьбу со всеми, кто их окружает, кто предшествовал, кто предлагает свое видение происходящих процессов в культуре*. Это своеобразный посыл — «знаем, с чем и кем ведем борьбу, но не знаем, во имя чего». То есть декларируется факт увлечения самим процессом борьбы без обращения внимания на то, что предлагается достичь и получить. Выросло огромное количество людей, не способных ничего самостоятельно сделать, творить, но умеющих (и достаточно убедительно) критиковать все, окружающее этих скептиков. В результате появились группы персонажей, которые обличают все старые, а заодно и новые достижения в литературе и искусстве.

Огромное место в методах современной культурной деятельности занимает *мифотворчество, в том числе и черная мифология*⁶, которые направлены на то, чтобы по-своему, по-иному интерпретировать происшедшие и происходящие события. Особенно было модно (да и сейчас в той или иной мере сохраняется) вспоминать, каким трудностям, преследованиям, ограничениям подвергались деятели культуры в советское время. Я называю это явление следующим образом: расчесывание комариных укусов до фронтовых ран. Поэтому вполне справедливо замечание нашего соотечественника — всемирно известного скульптора Э. Неизвестного — по поводу скандала, который случился на встрече Н. Хрущева, первого секретаря ЦК КПСС, с представителями художественной интеллигенции в 1962 году. По его словам, это событие так обросло мифами, что определить истину, фантазии и просто деформацию трудно, если не сказать невозможно.

Созданию кентавристических явлений в культуре в немалой степени способствуют *бездумность, слепое копирование зарубежных образцов культуры* (как западных, так и восточных). Глобализация не должна заслонять ценности и значимости национальных культур. К сожалению, в российской действительности идет интенсивное не столько смешение, сколько замещение национально особенного неким абстрактным цивилизационным образцом, в одинаковой степени безликим и бездумным. Иначе говоря, такие методы работы ведут к *духовному колониализ-*

¹ Воспитание пошлости // Известия. 2005. 21 нояб.

² Красников Г. Шоковый ренессанс // Литературная газета. 2007. № 1. 17–23 янв.

³ Поляков Ю. Писатели и пипы // Литературная газета. 2005. № 52.

⁴ Салуцкий А. Поп-культура и пип-халтура // Литературная газета. 2006. № 6. 6–14 февр.

⁵ Поляков Ю. Зачем вы, мастера культуры? // Литературная газета. 2005. № 29. 20–26 июля.

⁶ Поляков Ю. Зачем вы, мастера культуры?; Осипов Г. В. Социология и социальное мифотворчество. М., 2002.

му. Под его флагом вольно или невольно происходит навязывание чужих эталонов культуры вместо творческого их переосмысления и использования, как это делает творческая интеллигенция в Японии, Китае, Индии: лучшие достижения мировой культуры подвергаются трактовке и интерпретации, исходя из национального менталитета, что позволяет создавать уникальные национальные произведения искусства и литературы.

Анализ методов действия различных культур позволяет различать их в социологии и культурологии. На наш взгляд, культурология сосредоточивает внимание на сопоставлении и сравнении различных появлений культуры в ее многообразии, генезисе идей, на соотношении различных компонентов — от искусствоведческих до инфраструктурных. То есть внимание сосредоточивается на всех гранях культуры — от идей до материальной базы, от традиционных до поисковых, новаторских компонентов. И для культурологии анализ кентаврических моментов — это внимание к сущности и содержанию новообразований, которые необходимо понять, объяснить и определить их возможности и место в духовной жизни общества.

Социология уделяет внимание социальным аспектам и последствиям этих феноменов, осознанию (представлению) воображаемого мира, что воплотилось в образах, в которых совмещались несовместимые элементы (сфинксы, русалки, ангелы, лешие и т. п.). При анализе кентавр-проявлений социология обращает внимание на то, как этот феномен воспринимается читателями (слушателями, зрителями), какие чувства испытывают люди, какими идеями и соображениями руководствовались творцы, создающие эти произведения. Социология сосредоточивает внимание на таких реально существующих феноменах общественной жизни, которые проявляются в кентавр-явлениях, кентавр-процессах, кентавр-образах, кентавр-личностях и которые можно изучить и измерить при помощи социологического инструментария (например, капиталист—коммунист, судья—коррупционер, колдовство и ясновидение, госкорпорации и др.).

Идеологи кентавр-культуры

Рассмотрение феномена кентавр-культуры невозможно без анализа ее творцов, носителей и идеологов. По существу, это означает, что необходимо вести речь о фантомных персонажах, которые особенно отчетливо проявляют себя в переломные эпохи, одна из которых — российское общество.

Как правило, идеологи кентавр-культуры обладают такими характеристиками, как болезненное стремление к славе, известности, паблисити. Часто, потерпев неудачу в попытках заявить о себе методами и средствами, обычно применяемыми в сфере культуры, эти фантомные лица идут на эпатаж, скандалы, на другие акции, которые могут привлечь общественное внимание к их персонам и, возможно, к их деятельности. Они тонко чувствуют конъюнктуру. В ельцинские времена клеймить СССР,

КПСС и советскую власть было весьма прибыльным и востребованным бизнесом. Затем наступил период учета пожеланий «вертикали власти» или, наоборот, работы только на гранты, когда рассчитывали на поддержку тех, кто издали усиленно продолжал ратовать за развитие российской демократии. Среди этих успешных людей было немало тех, кто представлял «оффшорную литературу»¹.

В связи с этим отдельно хотелось бы отметить формирование особой социальной группы — лже- и поп-экспертов, которые настойчиво, оккупировав телевидение и другие средства массовой информации, навязывают свое видение этих деформированных и извращенных форм и продуктов культуры. Причем многие из них образовали специфический слой российского общества — герострату, вольно или невольно нацеленную на разрушение российской цивилизации. Они в полной мере реализовали такие формы работы, которые сродни «черной фантазии», ибо в ее рамках нет ничего светлого и достойного в истории страны и ее культуре. Непонятными становятся некоторые конструируемые кентавры вроде официально созданного специального фонда для улучшения имиджа России за рубежом. В него вошли в большинстве своем именно те, кто поносит Родину, все годы постсоветской России «только тем и занимаясь, что ухудшал образ нашей страны в глазах мирового сообщества. Кому пришло в голову, — спрашивает писатель Ю. Поляков, — образно говоря, формировать службу безопасности курятника исключительно из хорьков?»²

Эта ситуация осложняется тем, что лжеэксперты получили в свое распоряжение телевидение и Интернет. Это дает им возможность организовать обратную связь с потребителями по своему выбору и предпочтениям, создавая еще один эрзац-символ со ссылкой на «связь с народом». Эти интерактивные связи навязывают свои стандарты, свою интерпретацию при помощи разных приемов, известных еще по теории пропаганды Лассуэлла: кто, кому, каким образом и с каким результатом доводит информацию до потребителя.

Анализ содержания многих СМИ и особенно телевизионных программ в конце 1980-х — 1990-х годах показывает, что их деятельность провоцировала «культурную травму»³. Эта «травма» порождала такие феномены, как «моральная паника», повышенная тревожность, осуждение и отказ от прошлого. Эти феномены создавались и внедрялись в сознание людей при помощи различных публикаций, передач, проектов, самыми яркими из которых был цикл фильмов Е. Киселева «Новейшая история» и Л. Парфенова «Намедни. Наша эра. 1961–1991». Архивные материалы, на которых строилась эта продукция, утрировались, носили характер безапелля-

¹ Рыбас С. От «оффшорной» литературы к национальной // Литературная газета. 2006. № 10. 15–21 марта.

² Поляков Ю. Государственная недостаточность // Литературная газета. 2004. № 37; *Он же*. Зачем вы, мастера культуры?

³ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2008. С. 84–85.

ционного обличения, были наполнены праведным гневом¹. Результатом было чудовищное искажение действительности, которое вылилось не только в культурную, но и в большую социальную травму, дезориентировав и дезорганизовав жизнь миллионов людей.

Немалую часть среди идеологов кентавр-культуры представляют «дуни смиренные», «исписавшиеся писатели вроде Аксенова, когда-то изумительного советского писателя»², которые владеют мощным идеологическим оружием — телевидением, газетами, радио, искусством. Они *опошляют культуру*, искажают ее роль и призвание, формируют поколение «хавающих» низкопробную продукцию, производимую ими и подобными им лицами. И самое опасное, что эти персонажи «нравственно не уязвимы в силу отсутствия нравственности»³. Наравне с ними появились абсолютно бездарные персонажи, попавшие на экран, телевидение, в газеты и журналы благодаря тому, что имеют деньги; кому «условные единицы жгут руки» для удовлетворения желаний своей жены⁴; кто родился в семье производителя духовных ценностей и в детстве сидел на коленях у Ролана Быкова⁵; кто стремился угодить гомосексуалистам, которых много в сфере искусства и особенно на эстраде⁶. Но получился удивительный результат — формируется *новая сословность* за счет тех, у кого имеются деньги и связи. А такими приемами формирования новых слоев перекрываются пути выходцам из других слоев населения, особенно для тех, кто стоит ниже по социальной лестнице. Появилась и успешно функционирует «еще одна тревожная примета художественной жизни страны — ошеломляющая необязательность таланта... Десакрализация дара вполне вписывается в новую гедонистическую модель мира. Хочешь быть талантливым? Нет проблем! Для начала найми себе пиарщика и стилиста». Сформировалась «принципиально иная ситуация: не талант стал пропуском в эфир, а эфир стал своего рода сертификацией несуществующего таланта»⁷.

Печально признавать, что идеологов современной культуры характеризует такая черта, как *продажность*. Не в смысле того, что они любят деньги, гонорары, субсидии, спонсорство, а в том, что они готовы участвовать в любом низкопробном фильме, выполнять весьма сомнительные пожелания и писать заказные статьи. Я имею в виду премию «Триумф», учрежденную Б. Березовским и получаемую, по выражению заслуженного деятеля искусств Саввы Ямщикова, «культурным цветом нации», регулярно собирающимся «на приеме у человека, которого прокуратура обвиняет в мошенничестве и хищениях в особо крупных

размерах и который проворачивал грандиозные махинации»⁸.

Есть и такие «мастера культуры», которых сын Р. Кармена Александр назвал падальщиками, подонками, возмущенный клеветнической кинолентой, посвященной его отцу. Такие псевдописатели и псевдорежиссеры, собирая сплетни, домыслы, слухи, наговоры под предлогом свободы слова («разгула слова», по меткому выражению Ю. Полякова), что надо знать «всю правду», «выплескивают на потребу низменным вкусам толпы то, о чем в приличном обществе принято вслух не говорить, даже не задумываясь над тем, какой урон имиджу их “кумира” наносят своим враньем». Этот вывод можно с полным основанием отнести к фильмам о Высоцком, Бунии, Ландау, Есенине, Наталье Гундаревой и даже о Брежнев⁹.

Все это позволяет сделать вывод, что идет интенсивный процесс разрушения мировой и особенно национальной культуры — они интенсивно и открыто заменяются кентавр-культурой. Ее опасность заключается в том, что в ней перемешаны правда и ложь, фальшь и искренность, стремление к истине и замена ее различными шлаками. А островки истинной культуры, которые сосредоточены в отдельных учреждениях и очагах культуры, некоторых учебных заведениях, не спасают существующее положение, тем более что многие из них в той или иной мере поражены бактериями эрзац-, квази- и псевдокультуры. Именно эти явления позволяют назвать их охлократическими, когда пожелания толпы диктуют логику и методы осуществления культурной политики. Кентавр-культуре трудно противостоять, так как она вплетена в реальную жизнь, паразитирует на стремлении народа к духовным ценностям, на естественном желании людей расширить свой кругозор и свои представления об окружающем их мире. Она соткана из элементов, представляющих противоречивые процессы в развитии культуры, которые она эксплуатирует, но не всегда прямо себя противопоставляя противоестественным проявлениям, различным низкопробным вкусам, устремлениям и ориентациям.

В результате духовно-нравственное здоровье нации находится под угрозой. «Едва ли не самым страшным последствием ельцинского режима, — пишет А. В. Кива, — стал подрыв национального духа, резко ухудшившееся социальное самочувствие народа, нравственное разложение наименее устойчивой его части. Этому активно содействовало безнравственное поведение верхов и агрессивная политика очернительства всего и вся, проводившаяся немалой частью СМИ, в первую очередь на телевидении. Фактически началось глумление над истинно человеческими ценностями — добром, бескорыстием, социальной справедливостью, солидарностью, сочувствием другим, сопереживанием и т. д. Крайний эгоизм, индивидуализм, культ

¹ Новикова А. А., Дюло Е. А. «Советское» на современном российском телевидении как проявление глобализации // Вестник МГУ. Сер. «Журналистика». 2010. № 1. С. 25.

² Известия. 2007. 27 нояб.

³ Чудинова Е. П. Указ. соч.

⁴ Юриков А. Дай миллион! // Известия. 2000. 22 февр.

⁵ Поляков Ю. Зачем вы, мастера культуры?

⁶ Ямпольская Е. Содом и умора // Известия. 2006. 15 мая.

⁷ Поляков Ю. Зачем вы, мастера культуры?

⁸ Ямщиков С. Указ. соч.

⁹ Кармен А. Шабаш падальщиков // Литературная газета. 2006. № 13. 29 марта — 4 апр.; Петровская И. В ТВ правды нет // Известия. 2005. 26 нояб.

элитарности, избранности, вседозволенности ради личного преуспеяния, денег, силы, секса, агрессивная реклама “новых ценностей”, начиная от жвачки, гигиенических прокладок, пива и заканчивая дорогами автомашинами, украшениями и прочим, — вот что пришло им на смену»¹. Может, в связи с этим следует напомнить, что истина состоит в том, что твердым и надежным фундаментом в нашей жизни являются весьма хрупкие,

но вечные ценности, такие как совесть, культура, вера. «Когда я был трех лет, — вспоминал М. Лермонтов, — то была песня, от которой я плакал... Ее пела мне покойная мать». «Мы никогда не узнаем, — пишет Г. Красников, — какая это была песня, но можно не сомневаться, что в тех светлых слезах заслушавшегося материнским пением младенца омылась и засияла в его душе жемчужина будущего поэтического гения»².

¹ *Кива А. В.* Несистемный режим // Свободная мысль. 2004. № 9. С. 102.

² *Красников Г.* Указ. соч.